

АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВ

ВЕНДИ.
ИСТОРИЯ ОДНОГО СЛЕДА

Александр Леонтьев

Венди. История одного следа

<https://litres.ru/74259047>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Этот мир пахнет. И я умею читать его запахи».

Маленькая Венди — метис малинуа и лайки — попадает в дом одинокой женщины. Ей всего четыре месяца, но её нос уже чувствует то, что не видят люди: страх, ложь, опасность и надежду.

Она — не просто собака. Она — сыщица. Её чутьё помогает раскрывать преступления, спасать пропавших и защищать тех, кто дорог.

Но главный след, который предстоит найти Венди, — это её собственный путь. От неуклюжего щенка до вождя стаи. От страха до любви. От одиночества до дома.

«Венди. История одного следа» — это трогательная, захватывающая книга о преданности, взрослении и связи человека и собаки. В ней каждая глава начинается с «запаха дня», а каждая страница пропитана любовью.

Для всех, кто когда-либо любил собаку. И для тех, кто ещё только собирается.

Содержание

ПРОЛОГ: «ТЫ ПАХНЕШЬ ДОМОМ»	4
ГЛАВА 1. НОС — ЭТО СУДЬБА	7
ГЛАВА 2. АЗБУКА ЗАПАХОВ	10
ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ ОШИБКА	14
Г	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Леонтьев

Венди. История одного следа

ПРОЛОГ: «ТЫ ПАХНЕШЬ ДОМОМ»

Ирина

Я не хотела брать собаку.

После того, что случилось с Рыжим, я поклялась себе: никогда больше. Никакой привязанности. Никакой ответственности за чужую жизнь. Я слишком хорошо знала, как это больно — терять.

Но коллега из питомника позвонила и сказала:

— Ира, у нас есть помёт метисов. Малинуа и лайка. Очень умные. Приезжай, просто посмотри.

Я приехала. Просто посмотреть.

Питомник пах сеном, молоком и щенячьим счастьем. В углу лежала мать — худая, уставшая, но счастливая. А вокруг неё копошились шесть маленьких комочков. Они были

слепыми, почти беспомощными. Но один из них — маленькая девочка с рыжим пятном на ухе — подняла голову и посмотрела прямо на меня.

Она не видела меня — её глаза ещё не открылись. Но она *почувствовала*. Я знаю это. Её маленький нос дёрнулся, и она поползла ко мне. Она не знала, кто я. Но она знала, что я — своя.

Я протянула руку, и она лизнула мои пальцы. Её язык был шершавым, тёплым и таким доверчивым. Я почувствовала, как внутри меня что-то тает.

— Эту, — сказала я. — Маленькую. С рыжим пятном на ухе.

Заводчик улыбнулся:

— Она особенная, Ира. Я сразу её заметил. В ней есть что-то дикое. Как будто она уже знает, кем станет.

Я не знала тогда, что она станет моим спасением.

Когда я привезла её домой, она сидела у двери и смотрела на меня большими, испуганными глазами. Я чувствовала, что она боится. Она потеряла мать, братьев, сестёр. Её мир сузился до одной маленькой квартиры и одной незнакомой женщины.

Я села на пол рядом с ней.

— Привет, — сказала я. — Я — Ира. А ты... ты будешь Венди.

Я назвала её в честь девочки из книжки, которую читала в детстве. Девочки, которая не боялась приключений. Девочки, которая шла по своему следу.

Она подошла ко мне, положила голову мне на колени и заснула. Её маленькое тело дрожало во сне. А я сидела неподвижно, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить её.

В тот момент я поняла, что эта маленькая собака изменит мою жизнь. Она войдёт в неё, как нить, и свяжет всё воедино.

Я не знала тогда, что она спасёт меня от бандита. Что она получит медаль. Что она станет наставницей для другого щенка. Что она научит меня тому, чему я не могла научиться сама: доверять, любить и не бояться потерь.

Я просто смотрела на неё и чувствовала запах — тёплый, мягкий, как свежесвеженный хлеб. Запах дома. Запах, которого мне так не хватало все эти годы.

— Добро пожаловать домой, Венди, — прошептала я.

Она даже не пошевелилась. Она спала и видела сны. Я надеюсь, они были счастливыми.

ГЛАВА 1. НОС — ЭТО СУДЬБА

«Запах дома — это не стены. Это руки, которые держат миску».

Я родилась в запахе маминого молока.

Это был самый тёплый запах в мире. Он не имел ни цвета, ни формы, но я чувствовала его всем телом, каждой шерстинкой, даже кончиками лап, которые ещё не научились стоять. Молоко пахло жизнью, безопасностью и обещанием. Рядом сопели мои братья и сёстры — пять тёплых комочков, которые дышали в такт. Я лежала в центре, и мир был мягким и сытым.

Потом пришёл первый другой запах.

Он пробился через мамин бок, через сено, через деревянные стены нашего питомника. Он пах железом и холодом. Я вздрогнула, хотя ещё не умела бояться. Мой нос, крошечный, влажный, впервые включился как надо — я поняла, что этот мир *не заканчивается* мамой. Где-то там, за пределами нашего тёплого круга, есть что-то другое.

— Берите, какие нравятся. Эти метисы — они особенные. Умные, как бестии.

Голос принадлежал человеку. Я ещё не знала, что люди пахнут по-разному. Этот пах потом, табаком и сухим хлебом. Он был громким и неосторожным.

— Я посмотрю, — сказал другой голос.

Этот был другим. Тише. Мягче. Но в нём пряталось что-то острое, как иголка в сене.

Человек подошёл к нам. Её запах ударил мне в нос, и я открыла глаза. Я видела размыто — щенячьи глаза ещё не умеют фокусироваться. Но запах я запомнила навсегда.

Мята. Бумага. И что-то горькое, как корень, который я потом попробую в лесу и выплюну. Горечь одиночества. Я не знала тогда этого слова, но мой нос сказал: *здесь пустота. Здесь ждут. Здесь боятся.*

Она протянула руку, и я лизнула её пальцы. Они пахли мылом и немного слезами.

— Эту, — сказала она. — Маленькую. С рыжим пятном на ухе.

Я не знала, что у меня рыжее пятно на ухе. И что меня назовут Венди. И что жизнь — это бесконечный след, который нужно брать, даже если он уходит под воду.

Но когда её руки подняли меня и прижали к груди, я почувствовала: *это — моя стая. Это — та, за кем я пойду. И буду идти всегда.*

Мамин запах исчез. Нас разлучали. Но я не заскулила — я вдруг поняла, что это нормально. Так устроен мир: ты идёшь по следу, а след ведёт к новому теплу.

Хозяйка посадила меня в машину. Я впервые почувствовала движение. Мимо пробежали запахи: бензин, пыль, чужие собаки, еда, вода, страх, радость. Я крутила головой, пы-

таясь поймать их все, но их было слишком много. Мой нос захлебнулся. Я уткнулась мордой в руки Хозяйки и заснула.

Во сне мне привиделось: бесконечное поле, белая собака на скале, и звёзды, которые падают одна за другой. Я не знала тогда, что это — моя прародительница Аюна. Что она ждала меня тысячи лет, чтобы показать дорогу.

В машине пахло бензином и надеждой.

Потом была дверь. Новый дом. Новый запах — мокрый бетон, старая мебель, чьи-то чужие носки. Запах чуждости. Я села посередине комнаты и подняла голову.

Хозяйка стояла надо мной. Её запах изменился — горечь ушла, вместо неё пришло что-то тёплое, похожее на печёный хлеб. Она улыбнулась.

— Добро пожаловать домой, Венди.

И я поняла главное: запах дома — это не стены. Это руки, которые держат миску.

Она насыпала корм. Я подошла, понюхала, улыбнулась внутри себя. Еда пахла не просто мясом — она пахла заботой. Я начала есть.

С этого момента началась моя жизнь.

И моя охота.

ГЛАВА 2. АЗБУКА ЗАПАХОВ

«Ложь пахнет слишком сладко. Честность — кисло и горько, как земля после дождя».

Первые дни я училась говорить.

Нет, не словами. Слова — это глупые звуки, которые издают люди. Они говорят «Сидеть!», а я слышу «Не двигайся, и получишь вкусняшку». Они говорят «Место!», а я слышу «Иди в свой угол и не мешай». Они говорят «Фу!», а я слышу «Я зла, потому что ты сделала глупость, но я всё равно тебя люблю».

Люди не умеют говорить правду. Их слова кривят смысл. А запахи — нет. Запах никогда не врёт.

Я начала составлять свой словарь.

Запах утра. Он пахнет росой, влажной травой и, если повезёт, яичницей. Но самое главное — утро пахнет *началом*. Это запах новой тропы, чистой земли, где ещё никто не прошёл. Я просыпаюсь и сразу же вдыхаю его, чтобы решить: что мы будем делать? Идти гулять? Или Хозяйка уйдёт без меня?

Запах Хозяйки. Он сложный, как узор на ковре. Основа — мыло. Дешёвое, с запахом ромашки. Она моет руки им по утрам. Потом — бумага. Она много работает с документами, и этот запах въелся в её кожу. А ещё — металл. Маленький

ключ на цепочке, который она носит на шее. Я не знаю, зачем он. Но когда она его касается, её запах становится грустным. Как будто она вспоминает что-то, что уже не вернуть.

Запах улицы. Он бывает разным. Утро — свежее, как нарезанный огурец. День — пыльный и жаркий. Вечер — сладкий, с примесью дыма. Улица пахнет свободой. Я люблю улицу. На ней тысячи следов: людей, собак, кошек, машин, птиц. Это как книга, которую я читаю носом.

Запах опасности. Он пришёл не сразу. Однажды, когда мы гуляли, мимо прошёл мужчина. Он нёс пакет, из которого торчала бутылка. От него пахло странно — кисло и сладко одновременно. Мой нос дёрнулся. Это был запах алкоголя. Но под ним прятался другой — запах агрессии. Я остановилась и зарычала. Хозяйка удивилась.

— Что с тобой, Венди?

Я не могла ей объяснить. *Этот человек опасен, Хозяйка. Он пахнет злостью. Он хочет сделать больно.* Я натянула поводок, уводя её в сторону. Она послушалась, хотя не поняла.

Потом я услышала крик. Тот мужчина напал на женщину. Дальше приехала полиция. Но я уже знала: запах опасности — кислый, как прокисшее молоко, с нотками пота и железа. Я никогда его не забуду.

Запах радости. Это когда Хозяйка возвращается домой. Я слышу её шаги за сто метров до двери. Она пахнет улицей, ветром, усталостью. Но когда она открывает дверь и видит

меня, её запах меняется. Горечь уходит. Вместо неё приходит тепло — как от печки. Она садится на корточки, я прыгаю к ней на колени, и мир становится правильным.

— Соскучилась, маленькая?

Её запах говорит: *«Я тоже, Венди. Ты — единственная, кто радуется мне просто так».*

Запах дома. Он не пахнет чем-то конкретным. Это смесь всего: мой коврик, её диван, кухня, старые книги, моя миска. Это запах стаи. Когда я засыпаю, я кладу голову на лапы и вдыхаю его. Он говорит мне: *«Ты в безопасности. Здесь твоё место. Здесь тебя любят».*

Однажды я попыталась разгрызть её тапки. Я думала, это игра. Но она пришла и показала мне тапки. Её запах стал кислым и колючим.

— Это плохо, Венди. Нельзя.

Я не поняла слов. Я поняла запах. Я наклонила голову, лизнула её руку. Её запах смягчился.

— Ладно, маленькая дурочка. Прощаю.

Я выучила новый урок: *прощение пахнет мягко, как шерсть мамы.*

Я училась читать мир носом. Каждый день я открывала новый запах. Каждый день мой словарь рос. И чем больше я знала, тем яснее понимала: люди — глухие. Они живут в своём маленьком мире, где не различают сотни оттенков, которые я вижу каждую секунду.

Но у меня есть Хозяйка. Она тоже пытается читать мир.

Она смотрит на меня и видит то, чего не видят другие. Она верит моему носу. И это — лучший запах в мире.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ ОШИБКА

«Глупость — это единственный запах, который нельзя отмыть».

Это случилось через две недели после того, как я поселилась у Хозяйки.

Она ушла утром. Я облизнула её руку, когда она наклонялась закрыть дверь. Её запах был обычным — мыло, бумага, усталость. Но когда дверь захлопнулась, я осталась одна. И запах дома изменился.

Стало тихо. Слишком тихо. В тишине запахи становятся громче.

Миска с едой стояла на кухне. Я подошла, понюхала, но есть не хотела. Вместо этого я села у двери и стала ждать. Минуты ползли, как улитки. Я слышала, как за окном проезжают машины, как топают соседи, как где-то лает собака. Я нюхала щель под дверью — там был запах улицы, но не Хозяйки.

Прошёл час.

Мне стало скучно. Я пошла исследовать дом. Я обнюхала все углы, каждый стул, каждую книгу на полке. Я нашла старую кость под диваном — видимо, здесь раньше жила другая собака. Я вытащила её, погрызла, но она была безвкусной и старой.

Потом я увидела стол.

На нём лежали бумаги. Много бумаг. Они пахли Хозяйкой — её руки касались их, её запах вьелся в каждую страницу. Я подошла и понюхала. Бумаги пахли интересно: чернилами, пылью и чем-то тревожным. Как будто она волновалась, когда их писала.

Я хотела понять, что это за запах. Я взяла край бумаги зубами. Она была хрустящей. Это было приятно — как грызть корку хлеба. Я откусила маленький кусочек. Потом ещё. Потом я вошла во вкус — бумага шелестела, рвалась, разлеталась по полу белыми хлопьями. Это было лучше, чем старая кость.

Я не заметила, как прошёл ещё час. Когда я остановилась, вокруг меня лежали клочья. Много клочьев. Стол был пустым. Только несколько целых листов остались лежать в стороне.

Я села и посмотрела на своё творение. Мне стало страшно. Внутри что-то сжалось. Запах в комнате стал другим — кислым и горьким. Это был запах страха. Моего страха.

Я сделала что-то не так.

Дверь щёлкнула. Хозяйка вошла в дом. Она улыбалась — её запах был тёплым и уставшим. Она сняла куртку, повесила её на вешалку. Потом зашла в комнату.

Она увидела бумаги.

Её запах ударил мне в нос. Он был резким, как удар. Горечь, кислота, ярость — всё смешалось в одну вонючую вол-

ну. Она закричала.

— ВЕНДИ!

Я сжалась. Моё тело само собой прижалось к полу. Хвост поджался, уши прилипли к голове. Я стала маленькой. Очень маленькой. Я хотела провалиться сквозь пол.

Она подошла ко мне, и я увидела её руки — они тряслись. Запах был таким сильным, что у меня заслезились глаза.

— Зачем? Зачем ты это сделала? Это моя работа! Это всё, что у меня есть!

Она плакала. Я чувствовала слёзы в её запахе. И я поняла: я сделала больно. Не просто что-то сломала — я сделала больно *ей*.

Она ушла в другую комнату, хлопнула дверь. Я осталась одна среди ключевых бумаги. Запах страха висел в воздухе, как туман.

Я легла и закрыла глаза. Я не понимала, что произошло. Я хотела играть. Я хотела понять её запах. А вместо этого сделала плохо. Это была моя первая ошибка в жизни.

Через час дверь открылась. Хозяйка вышла. Её запах изменился — он был уже не таким острым. В нём появилось что-то похожее на усталую грусть. Она села рядом со мной на пол.

— Дурашка ты, Венди. Бумаги — это главное. Я их месяц писала.

Я лизнула её руку. Она не отодвинулась.

— Прости, — сказала она. — Я не должна была кричать.

Ты же ещё ребёнок. Ты не знаешь.

Но я знала. Теперь я знала. Мой нос запомнил этот запах — запах её разочарования. И я поклялась себе: *я больше никогда не увижу его на её лице. Никогда не почувствую этого кислого, горького пара, который выходит из её кожи, когда я делаю глупость.*

Я положила голову ей на колени. Она гладила меня, и постепенно её запах становился тёплым. Не таким, как раньше, но почти.

— Ты обещаешь быть умной?

Я лизнула её в нос. Это был мой ответ.

Больше я не трогала бумаги. Даже когда они пахли интересно. Потому что интересный запах не стоит того, чтобы видеть горечь в глазах Хозяйки.

Я запомнила: *ошибка пахнет стыдом. И стыд не отмывается, как грязь. Он остаётся внутри. Но если тебя прощают — запах прощения мягче, чем любой запах в мире.*

Ночью я спала рядом с ней, прижавшись к её спине. И во сне я снова видела белую лайку на скале.

Она смотрела на меня и кивала.

— Ты учишься, маленькая. Это хорошо. Без ошибок нет следа.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.